

ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ТИМОФЕЕВЕ-РЕСОВСКОМ

К.А. Склобовский

Submitted by content manager on чт, 31/03/2011 – 20:56

Примерно месяц тому назад в редакции «Методолога» начали обсуждать идею записи интервью с Кириллом Склобовским. Согласие на интервью от Кирилла Афанасьевича было получено и мы недальновидно медлительно принялись обдумывать тематику возможного обсуждения. Увы, этим планам не суждено было сбыться.

Но сегодня мы решили реализовать другой замысел Кирилла Склобовского. Некоторое время тому назад он передал Леониду Каплану, с которым его связывала длительная дружба, свои рукописи, посвященные «Зубру», Н.В. Тимофееву-Ресовскому, с которым соседствовал и которого хорошо знал.

Сейчас Леонид принял решение передать эти материалы для публикации. Мы надеемся, что читая этот текст, вы увидите не только того, кому он посвящен, но и Автора. В любом тексте первым виден не герой, но автор.

Редакция

Предыстория

*«Каждая история имеет свою предысторию
и без неё оказывается непонятной»
А.Ф. Лосев*

О Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском сейчас известно многое. Его имя закрепилось в российском общественном сознании после выхода в свет в 1987 году повести Даниила Гранина «Зубр» и серии документальных ТВ-фильмов Елены Саканян. В 90-х годах были напечатаны сборники избранных трудов НВ, «собственно-устных» (наговоренных) воспоминаний, воспоминаний коллег и учеников, документы, относящиеся к пребыванию НВ в Германии, на Лубянке, в «шараге» в Сунгуле и на биостанции в Миасово; даны достаточно полные оценки его научной деятельности и вклада в науку.

Настоящие воспоминания не претендуют на существенное дополнение в опубликованные материалы в отношении научной деятельности НВ, которая была смыслом его жизни. Автор мог наблюдать семью Елены Александровны и Николая Владимировича в течение всего последнего – обнинского – периода их жизни, который начался в 1965 году и закончился их смертями, ЕА в апреле 1973, а НВ в марте 1981 года. Подробно этот период описан в воспоминаниях моего доброго друга Александра Александровича Ярилина (Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Очерки, воспоминания, материалы. – М., Наука. 1993. сс. 335 – 351.) Мне немного удастся добавить к этому материалу, поскольку очень многие моменты этого периода мы с Сашей переживали вместе.

Ещё одно предварительное замечание: прозвище «Зубр» придумано Граниным; при жизни окружающие за глаза звали НВ «Дедом» и только самые близкие, безусловно, не мы с Сашей, могли позволить себе семейное «Колюша».

Воспоминания о Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском

Преамбула

Я и моя жена Рита, – Маргарита Васильевна, в девичестве Игошина, – познакомились с семьёй Николая Владимировича и Елены Александровны Тимофеевых-Ресовских с момента

их переезда в Обнинск в 1964 году, и это знакомство продолжалось более семнадцати лет, до конца их жизни.

Этому предшествовали следующие события.

«Как молоды мы были...»

Мы с женой познакомились зимой 1957-58 годов и через полгода в начале лета 58 года поженились. Мы работали в Москве, но ни она, ни я не имели жилья в Москве, не имели московской прописки и не имели даже надежды её получить. После рождения сына около года мы жили в доме моей матери в Подольске, это было очень неудобно, т.к. на дорогу в один конец приходилось тратить более трёх часов.

Через отдел кадров Академии медицинских наук СССР, которой был подчинён институт, где работала жена, мы получили адреса нескольких подмосковных научных учреждений, которым требовались специалисты, и была перспектива получения жилья. Мы выбрали строящийся в Обнинске Институт медицинской радиологии (ИМР), и с лета 1963 года Рита с двумя детьми переехала в Обнинск, а я присоединился к ним через полгода.

И город, и институт переживали период юности. Город «открыли» только два года назад, и рядом с атомным объектом, построенным в период разработки атомного оружия, – ныне Физико-энергетическим институтом, в Обнинске же началась и атомная энергетика – построена Первая атомная электростанция. Позже тут создавались новые институты – прикладной геофизики, физико-химический и наш – медицинской радиологии (ИМР). В городе шло активное строительство жилья, в институты съезжалась молодёжь со всего Союза. Корпуса институтов и жилые кварталы строились прямо в лесу. Город был чистый, светлый и абсолютно безопасный: детей выпускали во дворы без всякого присмотра. Зимой лыжня начиналась от каждого подъезда. Летом можно было рано утром выйти в лес и к началу работы явиться на своё рабочее место с корзиной грибов. К сожалению, сейчас это звучит почти сказкой...

Основной контингент ИМРа был молодёжным, это были аспиранты и ординаторы, окончившие учебные институты 2 – 3 года назад. Директор института рентгенолог Георгий Артемьевич Зедгенидзе, академик АМН, пользовался большим авторитетом, как у академического, так и у местного начальства. Он понимал необходимость междисциплинарных научных контактов и комплектовал институт широкой гаммой специалистов разного профиля, как в области медицины, так и естественнонаучных дисциплин: в институте работали физики, химики, биологи разных специализаций, биохимики и биофизики; шли поставки новейшего импортного оборудования. Первое поколение сотрудников были в хороших отношениях между собой, интересовались работами друг друга, помогали друг другу в меру сил. Мы не только работали рядом, в одном корпусе, но и жили в ведомственных домах, расположенных рядом, дружили семьями. Денег, конечно, было мало, но их было мало у всех, и никто себя обделённым не чувствовал.

Первые впечатления

В 1964 году по нашему институтскому корпусу поползли слухи, что Зедгенидзенашёл на Урале какого-то знаменитого генетика, который много лет отсидел за измену Родине, и что этот человек, – «живой классик», – будет заведовать отделом генетики и радиобиологии. Сам факт нахождения «в местах не столь отдалённых» никого, кроме сотрудников первых отделов, тогда не смущал, о сталинских репрессиях безвинных людей после доклада Хрущёва на XX съезде знали все. Мои друзья, – Марк Мясник, Элтай Карабаев, работавшие в лаборатории радиобиологии, – с нетерпением ждали появления нового шефа, поскольку фамилия Тимофеева-Ресовского в латинском написании неоднократно встречалась им в литературе. Приблизительно на полгода ранее из той же уральской шараги переехали в Обнинск

заведующий отделом биофизики Николай Викторович Лучник с женой Надеждой Алексеевной Порядковой и несколько его сотрудников: Лев Царапкин с женой, Лора Фесенко и др.

Действительно, скоро на втором этаже, где находились генетики и радиобиологи, начали происходить какие-то странные изменения. По всему корпусу густо запахло подгоревшим молоком: для разведения плодовой мушки дрозофилы, – основного объекта экспериментальной генетики, – необходима густая и сладкая молочная манная каша с изюмом, а легкомысленные девчонки-лаборантки, которым поручено было варить эту кашу, постоянно её «упускали», каша пригорала.

Через какое-то время появилось объявление о докладе нового заведующего. Название сообщения я не запомнил, вероятно, это было что-то о Принципе попадания, зато запомнил интригующий подзаголовок: «Почему сие важно в-пятых?».

Подогретые слухами, в маленький кинозал набились практически все сотрудники института. Произошедшее было абсолютно непохоже на те псевдо-академические доклады, которые делались в этом зале другими докладчиками, и запомнилось надолго.

Широкоплечий, невысокий, чуть сгорбленный человек с большими руками землекопа, с привычной шеей, крупными чертами лица, носом-«румпелем», чуть отвислой нижней губой без остановки метался по диагонали небольшого пространства между киноэкраном и первым рядом слушателей.

Говорили, что в его кабинете в Сунгуле (в «ящике», где он работал после освобождения из каторжного лагеря в Караганде) на линолеуме была протоптана диагональная дорожка, поскольку говорить «что-нибудь научное» неподвижно НВ не мог.

Он не развешивал никаких плакатов, не показывал слайдов, не писал формул, – он говорил, говорил громко, ясно, на очень хорошем русском языке, в котором не было и следов «умственности», псевдонаучной лексики. Содержания самого доклада за давностью лет я не помню. Запомнились несколько хлестких крылатых выражений:

- «В науке надо делать только существенное, потому что всё несущественное сделают немцы»,

- «Науку надо делать без звериной серьёзности!»

- «Это не «факт», это было на самом деле...»

Практически все, кто писал о НВ, отмечают неизгладимое впечатление, которое произвело на них первая встреча с НВ.

Знакомство

Приблизительно через полгода после появления в институте НВ, в Обнинск переехала и Елена Александровна ТР, которая после Миасова жила в Свердловске с сыном Андреем и его женой. Тимофеевым выделили трехкомнатную квартиру № 17 на третьем этаже в доме №1 по Солнечной. Теперь это ул. Лейпунского, сейчас на доме установлена мемориальная доска в честь Николая Владимировича. Квартиру № 16 на втором этаже занимала наша семья. В тот момент я был знаком с НВ, так сказать, односторонне, – видел его в служебном автобусе, на чужих докладах в кинозале, которые он непременно посещал; он же меня не знал, поскольку я работал в химической лаборатории (синтеза лекарственных препаратов фармотдела), а с химиками в те времена НВ не контактировал, – «Химия зело вонюча!». Мой же заведующий, профессор Константин Станиславович Шадурский, ранее тесно связанный с КГБ, от НВ шарахался.

В первые дни войны молодой медик из Томска, потомок ссыльных поляков, К.С. Шадурский, пошёл на фронт добровольцем, попал в плен в Белоруссии, и в 1942 году немецкой администрацией был освобождён из лагеря и направлен в качестве сельского врача на предотвращение эпидемий среди местного населения. Вскоре у него появились контакты с

партизанами, он снабжал их медикаментами и консультировал раненных, и, после заочной проверки на «Большой земле», его выкрали в спецотряд НКВД, который не столько воевал с немцами, сколько осуществлял надзор и за полициями, и за партизанами. После войны КСШ, защитивший ещё перед войной докторскую диссертацию по фармакологии, с помощью своих соратников – кгбешников стал профессором фармакологии в Минском мединституте, а в 1953 году, во времена «дела врачей-отравителей», был переброшен на кафедру фармакологии Первого московского мединститута, которой до этого заведовал акад. Закусов, обвинённый по этому делу: якобы он снабжал «отравителей» отравой.. Несмотря на то, что пребывание КСШ в Москве было недолгим, – он занимал кафедру всего несколько месяцев, – поскольку в связи со смертью Сталина «врачей-отравителей» не успели расстрелять, и Закусов вернулся на свою кафедру и со скандалом выгнал КС обратно в Минск, никто из коллег – фармакологов ему руки не подавал, и до конца жизни он так и остался периферийным профессором.

Вероятно, я так и не познакомился бы с НВ и ЕА ТР, но судьба решила иначе. Вскоре после вселения в новую квартиру, ЕА понадобилась какая-то «мужская» помощь, она постучалась в нашу дверь и я, схватив инструменты, поднялся этажом выше. Так я попал в эту квартиру, причём надолго.

В «хорошей квартире»

По воспоминаниям о НВ ТР известно, что он был очень общительным человеком, точнее сказать, был предельно выраженным экстравертом.

Где бы ни был НВ, всюду он становился центром притяжения окружающих. Так происходило и в во времена его обучения в Московском университете, и в Европе, где вокруг него концентрировались и биологи, и физики, дискуссии с которыми заложили основы и радиобиологии, и радиационной генетики и, даже, будущей молекулярной биологии, и в камере Бутырской тюрьмы, где он рассказывал сокамерникам о генетике, и во всех институтах, где ему пришлось работать позже. Обычное общение НВ называл «трёпами» или, если вспыхивала дискуссия, – «орами» (от «орать»; ср. «Дрозсоор» – «Совместное орание о дрозофиле» – название его первого семинария по формальной генетике с использованием дрозофилы в качестве объекта исследований в МГУ в середине 20-х годов).

У НВ всегда существовало несколько кругов общения. В обнинские времена это были сотрудники отдела, аспиранты, которым он читал не только лекции по всем областям биологии, но и учил их слушать музыку и поэзию, видеть живопись, коллеги из Москвы и других научных центров; каждый приезжающий в центр с Урала считал своим долгом появиться в Обнинске. После Миасовских летних лагерей и молодёжных школ в Мозжинке к нему тянулась вся биологическая молодёжь, и ни для кого двери квартиры не были закрыты. Особенно много было гостей на два праздника: на именины НВ на Николу Зимнего, который НВ отмечал вместо своего дня рождения, и на Пасху. Много народу было и на Новый Год.

В гостях у НВ я видел практически всех генетиков. Хорошо помню представителей старшего поколения, – Р.Л. Берг и В.П. Эфраимсона, и «младших» Н.Н. Воронцова, А.А. Яблокова. Бывали и яркие «небиологические» люди: Александр Солженицын, знакомый с НВ по бутырскому сидению, Лев Гумилёв, когда тот писал свою «Этносферу», Михаил Ромм, Даниил Гранин; к сожалению, я не присутствовал во время визита отца Александра Меня, который состоялся незадолго до смерти НВ, когда он уже последний раз лежал в клинике

Был и ещё один круг общения, собиравшийся в квартире ТР в дни отсутствия официальных мероприятий и визитёров. Это был маленький тихий домашний кружок. Собирался этот кружок спонтанно, обязательного присутствия не предусматривалось, поэтому его состав менялся. Чаще всего участниками его были Владимир Ильич Иванов (партийная кличка «Ильич»), ближайший сотрудник НВ и ЕА, начинавший ещё аспирантом НВ на Урале, с

женой Таней, Владимир Иванович Корогодин, заведующий лабораторией радиобиологии, входившей в отдел НВ, с женой Юлией Викторовной, Николай и Рита Глозовы (партийные клички «Профессор» и «Барыня»), аспиранты и научные сотрудники НВ: генетик Женя Зяблицкая, Алла Николаевна Летова («Каменная барыня» названная так за знание минералогии). Вероятно, году в 66 появился и стал абсолютно незаменимым в этом кругу молодой иммунолог Александр Александрович Ярилин (далее АЯ). Бывали и громогласный биоцнеолог-почвовед Анатолий Никифорович Тюрюканов («Тюрюканыч»), Елизавета Николаевна Сокурова, попавшая вольнонаёмным сотрудником ещё в Сунгульскую шарагу, Николай Григорьевич Горбушин, тоже приехавший с Урала, и другие. Не часто, но бывали и «молодые», – в основном тогдашние аспиранты отдела радиобиологии, – Николай (?) Свирижев, Женя Гинтер, Юра Капудцевич. Однако, чаще всего собиралось очень маленькое чисто мужское общество: два Володи, – Иванов и Корогодин, – Коля Глозов, Саша Ярилин.

Именно в этот, самый малый кружок удалось попасть и мне. Почему это получилось, – не знаю. Вероятно, я был «созвучен» духу этого круга общения. Кроме того, для того, чтобы попасть в гостеприимную в самом прямом смысле этого слова квартиру, двери которой днём не запирались, мне не надо было надевать выходной костюм, которого, кстати, у меня никогда и не было, а достаточно было подняться по лестнице на один этаж вверх. Во время новогодних или пасхальных праздников, уложив детей, мы с Ритой шли наверх и через какое-то время по очереди бегали смотреть, как спят дети.

Через несколько лет, когда мы переехали в более удобную квартиру в другом доме на расстоянии трёх кварталов от Солнечной, бывать у ТР я реже не стал. С членами этого кружка нас связывали и дружеские отношения вне тимофеевской квартиры. С обоими Володами я много часов бродил по окрестным лесам, ревниво наблюдая сколько белых есть в других корзинах; особенно активно относился к поискам грибов Володя Корогодин.

Один из завлабов Экспериментального сектора, – Александр Михайлович Поверенный, в отделе которого тогда работала Рита, и с которым я был в относительно приятельских отношениях, – очень хотел попасть в это «высшее» общество, связанное с ТР. Он услышал о том, что я с Володами хожу по грибы, и стал активно набиваться в попутчики. Однако раньше мы договорились никого посторонних в лес не брать, чтобы не разрушать очень приятную атмосферу наших грибных походов. Я оказался в неудобном положении и, выкручиваясь, ляпнул: «Нет, Александр Михайлович, от тебя слишком много шума!», что, впрочем, соответствовало истине: АМ был человеком бесцеремонным и очень, по южному, громогласным. За этот ляп я нажил себе в его лице многолетнего недоброжелателя.

Саша Ярилин на многие годы стал моим ближайшим другом. Вместе с ним мы летом путешествовали пешком по Северу, для того чтобы увидеть замечательные деревянные церкви в тех местах, для которых они были предназначены, вместе готовили и проводили удивительные вечера для Общества книголюбов, о Пушкине, символистах и др.; венцом был вечер посвящённый Велемиру Хлебникову, причём это происходило в те времена, когда поэзию акмеистов и футуристов не издавали уже четыре десятка лет. Не было недели, чтобы мы не встретились два-три раза. Очень нужна эта дружба и сейчас, но расстояние в сто километров между Москвой и Обнинском с каждым годом становится всё больше...

На сборищах в квартире ТР не было никаких обязательных тем, никто не ставил никаких особых целей: пили чай, слушали музыку, рассматривали художественные альбомы, слушали неторопливые рассказы самого НВ.

Наша и ТР квартиры были одинаковыми: трехкомнатные, с центральной большой проходной и двумя маленькими комнатами; такие квартиры в Обнинске называли «распашонками». Если для нашей семьи из шести человек она была неудобна, то ТР разместились в ней свободно. В маленькой комнате (~12 кв. м), входившей на север, была

спальня ЕА, в другой маленькой комнате (~8 кв. м), выходящей, так же как и большая, на юг, во двор, был кабинет НВ, в котором он спал. В спальне ЕА стояли её неширокая кровать, небольшие платяной шкаф, письменный столик и трюмо. В кабинете НВ у окна во всю ширину комнаты стоял громадный письменный стол и был широкий диван. На письменном столе в раз навсегда установленном порядке высились стопки естественнонаучных журналов, в одной свежеполученные, ещё не просмотренные, вторая – просмотренные, но не читанные, третья – прочитанная.

Тут же лежал череп хищника размером приблизительно 15х7х5 см. Когда в гостях у НВ появлялся свежий гость – биолог, этот череп вручался гостю с просьбой определить вид, к которому принадлежал этот череп. Грамотный зоолог должен был по зубам понять, что череп принадлежал представителю семейства кошачьих, что он мал для тигра и леопарда, но крупен для кошек. Оставалась единственная возможность – рысь; «высшим пилотажем» считалась способность назвать её по-латыни: «Felixlynx». Однако немногие выдерживали это испытание, поскольку зоология, как и сравнительное естествознание, давно уже были предметами немодными, молодёжь больше увлекалась молекулярной биологией. Сам же НВ высоко ценил фундаментальное естественнонаучное образование (Гордо – «Я мокрый зоолог!» – т. е. специалист по пресноводным организмам) и несколько презрительно относился к «ДНКанию» – занятию, не связанному с реальными биологическими объектами. Поскольку я не был биологом, а относился к «низшей», по сравнению с биологией и физикой, и «вонючей» касте химиков, то этому испытанию я не подвергался.

В большой комнате во всю длину стоял стол, за которым в праздники ухитрялись размещаться более тридцати человек. Всё остальное пространство в квартире занимали книжные стеллажи. Особенный стеллаж во всю стену большой комнаты с пола до потолка был уставлен картонными коробками-кляссерами, в которых хранилось несколько тысяч оттисков, собираемых ещё со времён Берлин-Буха. Разбирая очередную статью аспиранта или сотрудника, НВ мог сказать: «Возьми-ка вон ту коробку, там оттиски NN, прочти внимательно и перепиши всю свою галиматью по-новой» или «Вон книжка стоит, ты её не видел? – Посмотри!»

На стенах в кабинете, свободных от стеллажей, был «биологический иконостас»: фотографии многих учёных – биологов. Другая часть этого «иконостаса» находилась в рабочем кабинете НВ в экспериментальном секторе.

Наш «кружок» рассаживался раз и навсегда определённым образом. Во главе стола, спиной к окну и балконной двери, в кресле с высокой спинкой сидел НВ. Зимой из широкого окна дуло, было прохладно. Кто-то из иностранных визитёров узнал об этом, и бывший коллега НВ, лауреат Нобелевской премии Дельбрюк, кстати сказать, получивший свою премию за работы, начатые ещё до войны под руководством НВ, с оказией прислал альпинистскую пуховку. С осени до весны эта пуховка постоянно была на плечах НВ. ЕА занимала противоположный торец стола. Когда разговор затягивался, она, напоив нас чаем, считала обязанности хозяйки выполненной и удалялась к себе. На «нижнем» конце стола, по обе стороны от ЕА садились два Володи. Остальные рассаживались так: по одной стороне стола «ошую» от НВ Саша Ярилин, дальше я и Коля Глотов. Другую сторону стола оставляли для «непостоянных членов».

Когда собиралось много гостей и места за столом не хватало, то «свои» обычно отправлялись в кабинет на диван, откуда можно было и слышать то, что происходит в большой комнате, и где можно было спокойно трепаться, не мешая общению гостей с НВ. В праздники туда же, в «мальчишник», с большого стола похищалось несколько тарелок с закусками и пара бутылок.

Вечерами часто устраивались «концерты по заявкам». Коля Глотов обычно заказывал фортепьянный концерт Сен-Санса, Саша, – либо концерт Грига, либо «Весну священную»

Стравинского, ну а мы с Володей Ивановым – «Наурскую лезгинку» с пластинки донского хора Сергея Жарова.

Об этом хоре, созданном в Берлине после эмиграции донцов из Крыма, НВ любил рассказывать, ругательски ругая при этом Александровский хор («Народу целая рота, а звука нет! У пятнадцати певцов Жарова песни звучат во много раз сильнее!, Жаль только что тенора кончились, какие-то прибалты поют!»). Сам НВ до войны певал с этим хором партию баса в балладе о Кудеяре и в православных службах, поскольку церковную службу он знал превосходно.

А уж начав говорить о Жаровском хоре, НВ переходил на службу Тимофеевского рода в казачьих войсках, далее на судьбу выехавших из России донских казаках и о той роли, которую они сыграли в начале тридцатых годов в Аргентино-Парагвайском конфликте.

Дивизия донских казаков, приглашённая правительством Парагвая после «Галипольского сидения» разгромила регулярную аргентинскую армию и позволила Парагваю приобрести несколько десятков тысяч квадратных километров «ничейной» земли, из-за которой и произошёл конфликт. За это парагвайское правительство отвело казакам столько земли в южно-американских пампасах, сколько они захотели освоить.

Вообще, свободные рассказы Деда представляли собой шедевры. Никогда нельзя было предположить, куда в этот раз уйдёт тема, как она будет подана.

Существовало несколько больших блоков тем рассказов НВ.

Одна из наиболее часто исполняемых тем касалась родословия ТР. Он знал и гордился своими предками; род его матери Надежды Николаевны Всеволожской восходил к Рюрику («одна из шести сохранившихся семей Рюриковичей»). По отцу он относился к столбовому калужскому («калуцкому») дворянскому роду Тимофеевых, основателем семейства был авантюрист Тимофей Разин, брат Степана Разина.

Одиссею Тимофея Разина можно прочесть в книге расшифрованных магнитофонных записей самого НВ (Н.В. Тимофеев-Рессовский: истории, рассказанные им самим с письмами, фотографиями и документами: М., Согласие, 2000). Больше всего я корю себя за то, что не вёл постоянных записей по горячим следам после вечеров с НВ. «Не много лиц мне память сохранила, немного слов доходит до меня...»

Другое направление рассказов, – учителя, – С.С. Четвериков, Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский и другие, большие университетские зоологические практикумы, жизнь на подмосковных биостанциях с хулиганскими «умыканиями девок» и наркома Семашко. Отсюда рассказ плавно перетекал в Европу: Нильс Бор («Нильсушко»), с обязательной демонстрацией кожаного портсигарчика, подаренного Бором, «биофизических трёпов» и принципа выбора мест для них («Калеология»). Впрочем, он никогда ничего не говорил о работе и жизни в нацистской Германии.

Вечные темы – музыка, о Рахманинове, Шаляпине, том же Сергее Жарове, Лотар-Шевченко (см. у АЯ), русская поэзия, иконопись, академисты, импрессионисты.

Особенно ярко расцветал НВ тогда, когда появлялся новый слушатель, а лучше слушательница. Её усаживали одесную от Деда, и можно было видеть её полуоткрытый от восторга рот. НВ любил пошутить, по тем временам довольно остро. Из комнаты ЕА приносили небольшую репродукцию новгородской иконы Георгия Победоносца, на которой святой в ярко-красном развевающемся плаще, полуобернувшись в седле, в очень сильном ракурсе, разил дракона. На церковно-славянский манер, сильно окая, НВ полувыпевал: «Се Егорий во бою, на борзом сидит коню, держит в руке копие, тычет змею в жопие». При этом надо было видеть хитрый взгляд Деда.

Многие его рассказы мы, постоянные слушатели, слышали неоднократно. Но слушать Деда было наслаждением, он никогда не повторялся, каждое исполнение звучало по-новому, и

было очень интересно вылавливать новые нюансы повествования. Впрочем, были и индивидуальные темы, некоторые из них я попробую воспроизвести по памяти, без попыток воспроизвести специфику речи НВ, что, к сожалению, невозможно.

«Калеология» (от греческого «калос» – прекрасный) – метод измерения красоты популяции молодых дам («бабелей»)

Образовавшийся в Европе после визитов НВ ТР к Нильсу Бору кружок молодых физиков и биологов из разных европейских университетов проводил свои периодические встречи, – «оры», – в разных городах. Именно на этих встречах закладывались основы будущих междисциплинарных исследований и таких научных дисциплин, как количественная радиобиология, популяционная и радиационная генетика.

Судя по всему, эти семинары проводились, как сказали бы сейчас, «на общественных началах», т.е. без внешнего финансирования, за счёт участников. Поэтому стоимость проживания в течение нескольких дней, пока проходила встреча, для участников была незначительна. Но, с другой стороны, хотелось побывать и пожить в красивом месте.

Это противоречие («Места в гостиницах должны быть дешёвыми, но дешёвые гостиницы бывают только в неинтересных местах. Место должно быть красивым, но в красивых местах гостиницы дороги») разрешали не по принципу «Или..., или...», а по принципу «И..., и...»: сборы назначались в популярных курортных местах, вне курортного сезона, когда пустующие номера сдавались за бесценок. Поскольку в Европе не было недостатка в курортах, нужен был принцип выбора очередного места встречи.

Была предложена следующая методика. Каждый член семинара во время своих поездок по Европе должен был оценивать красоту всех встречных молодых женщин по пятибалльной шкале. Собранные данные пересылались члену оргкомитета, в обязанность которого входила статистическая обработка данных и нанесение усреднённых данных на карту Европы. По известным правилам точки с равными или близкими показателями соединялись линиями, названными «изокаллами» – линиями равной красоты. Достаточно было посмотреть на карту, чтобы увидеть те места, в которых девушки особенно хороши. По утверждению Деда, максимальное значение индекс красоты достигал в Северной Италии, – во Флоренции, и в Голландии.

Я тоже несколько раз пробовал самостоятельно вычислять «калос-характеристику» различных местностей нашего богоспасаемого Отечества. Конечно, данные, полученные одним экспериментатором, без «слепого контроля», статистически недостоверны, но, тем ни менее, даже с помощью таких нестрогих «экспериментальных» данных тенденцию можно заметить. По моим данным, значения «калос-индекса» выше четырёх наблюдались в Киеве и некоторых городах Поволжья, прежде всего в Саратове и Нижнем. Неожиданным для меня был необычайно высокое, практически максимальное значение индекса, измеренное в некоторых селеньях, расположенных на восточных протоках дельты Волги. К сожалению, число наблюдений в этих местах у меня было невелико. Москва и Ленинград характеризуются значениями практически не отличающимися от тройки («не уродина»), а самые низкие показатели характерны для Карелии, Брянской и Смоленской областей. Правда, как сейчас мне кажется, мои оценки сделанные лет тридцать назад, были существенно выше тех которые я мог бы получить сейчас...

Конец английского средневековья

Перед войной у НВ в Берлин-Бухе был аспирант англичанин, имя которого я не помню. Сам НВ любил Англию и неоднократно бывал там до тех пор, пока в Германии не укрепилась гитлеровская власть с тотальной слежкой за своими и, особенно, чужими и он не стал «невъездным». Известно, что летом 39 года семья ТР не получила разрешения германской

администрации отдохнуть в приморской деревушке на Балтийском море, где они любили отдыхать.

Будучи в Англии, НВ бывал в гостях у своего молодого сотрудника и познакомился с дядюшкой молодого человека, лордом NN. Этот очень состоятельный человек имел уникальное хобби – он «закрывал» средневековые английские законы.

Известно, что в Англии нет писанной конституции и замкнутого свода законов. Управление страной и судопроизводство ведётся до сих пор, в основном, на основе прецедентов, – ранее принятых решений. Любое решение, принятое Парламентом или судом любого уровня, имеет силу законодательного акта и не может быть ни отменено, ни пересмотрено, кроме как по суду или специальным биллем Парламента. При вынесении решения по конкретному делу судья обязан руководствоваться всеми прецедентами, принятыми в отношении аналогичных дел. При прецедентном порядке законотворчества и судопроизводства в архивах скопилось множество безнадежно устаревших законодательных актов, но, поскольку отсутствовали решения об их отмене, современные законодатели и судьи делали вид, что этих устаревших актов не существует, и в практике их не использовали.

Наш герой, – лорд NN, – поставил целью уничтожить это наследие средневековья.

Он выяснил, что существует закон, запрещающий переправляться по мосту через реку Тайн в городе Ньюкасл-апон-Тайн (надеюсь, что память на географические названия мне не изменяет), на границе Англии с Шотландией, после полуночи до шести часов утра. Нарушитель этого закона должен был быть оштрафован на один фунт стерлингов (сумма в XII – XV веках значительная) и наказан одним ударом плети, который должен быть нанесён городским палачом до полудня следующего дня.

Лорд NN прибыл в Ньюкасл за несколько минут до полуночи, нашёл полицейский участок и попросил письменно засвидетельствовать его нахождение на английском берегу до истечения суток. То же самое он сделал в начале новых суток уже на шотландском берегу, перейдя мост в полночь. Утром он обратился в суд с требованием подвергнуть его штрафу и наказанию плетью. Доводы о том, что уже много столетий в городе отсутствуют как городской палач, так и практика наказания полуночников, переходящих мост, его не убеждали. Адвокат лорда вёл это дело до тех пор, пока Парламент Великобритании не принял билль об отмене закона о запрете перехода моста в Ньюкасл-апон-Тайн ночью. Тем не менее, штраф в один фунт стерлингов лорд NN внёс в государственную казну.

Другие дела лорд NN могли бы стать не столь безобидными, будь они решены согласно букве закона об «огораживании».

Началом мануфактурного периода развития английской промышленности стало производство сукна из овечьей шерсти, поставляемой лендлордами. Промышленность требовала увеличения поставок шерсти, возможность её получения лимитировалась отсутствием свободной земли для пастбищ, поскольку большая часть сельскохозяйственной земли представляла мелкие наделы свободных крестьян-иоменов, которые вели нетоварное, натуральное хозяйство. Для вытеснения крестьян с земли Парламентом был принят «Билль об огораживании»: участок земли, огороженный изгородью, переходил в собственность того, кто установил эту изгородь. Поскольку у крестьян отсутствовали средства для строительства изгородей, то в течение относительно короткого срока большая часть земель перешла в собственность лендлордов, а бывшие крестьяне были вытеснены в города, образовав слой пролетариата-люмпенов – бандитов и нищих, – «овцы съели людей».

Лорд NN, сам являвшийся землевладельцем, узнав, что у кого-то из его соседей намечается прием гостей, в день приёма проводил такую операцию: вместе со своим шофером, посвящённым в суть дела, «огораживал» соседнее имение, втыкая по границе имения заранее заготовленные колышки и натягивая между ними ленту. После этого NN появлялся в усадьбе,

представлялся и, будучи принят, вежливо информировал, что и хозяин, и гости незаконно находятся на земле, принадлежащей, согласно закону, ему, и просил немедленно покинуть эту землю. Такое требование расценивалось как хорошая английская шутка, её подкрепляли бокалом хорошего вина, от которого NN не отказывался. Тем не менее, эта шутка служила формальной основой возбуждения судебного дела об отчуждения «огороженной» земли. Это и другие аналогичные дела несколько лет добивались до парламента и, в конце концов, закон об огораживании был отменён.

Дальнейшие усилия NN по «осовремениванию» английского законодательства, прекратились в связи с началом Второй мировой войны.

Известно, что в финансовом отношении TP жили достаточно скромно. Сам НВ до отъезда в Германию не удосужился получить диплом об окончании университета, поэтому в отделе кадров ИМРа он числился как «заведующий отделом без высшего образования» и получал зарплату мнс без степени. ЕА, имеющая степень кандидата биологических наук, занимала должность «мнс со степенью». Такая ситуация сохранялась до тех пор, когда по многочисленным обращениям коллег и учеников ВАК присвоил НВ степень доктора наук «gonoriscausa». Крупные статьи в бюджете TP занимала подписка: они выписывали до трёх десятков естественнонаучных, кибернетических изданий, около десяти центральных газет (см. у АЯ). Всегда, а в последние годы особенно, НВ был жертвой многочисленных побирушек: сам он не мог отказать никому, постучавшемуся в дверь с протянутой рукой. Когда в доме были люди, таких попрошаек гнали, но зачастую Дед оставался дома один...

Поэтому угощение во время наших постоянных чаепитий было достаточно скромным: на столе стояло блюдо с кексиками, сухариками, сушками, нарезался сыр. Другое дело во время больших сборов гостей. Обычно гастрономические деликатесы, вина привозили гости из Москвы, обнинцы устраивали своеобразную складчину. Специальностью некоторых дам были торты, хорошо помню так называемую «безёвую доску», которую пекла Таня Иванова, жена Ильича, – большой торт, верхним слоем которого служил толстый слой воздушного беже. Нужно было иметь особое умение, чтобы во время выпечки слой взбитых белков не осел и не превратился бы в тонкую жёсткую корку.

У меня была другая специальность. Я унаследовал от матери некие кулинарные способности, а от дядюшки состав и технологию приготовления настоящего салата Оливье, восходящую к ещё дореволюционным технологиям московских рестораторов. Безусловно, это не был так распространённый в молодёжной среде «эмалированный тазик» со смесью варёной картошки, варёной колбасы, лука и зелёного горшка, кое-как заправленный очень дефицитным в те времена майонезом (две баночки в праздничном заказе). Достаточно сказать, что «полный» салат требовал не менее 10 – 12, лучше 15 компонентов, а приготовление большой порции занимало у меня не менее полудня. Когда такой салат подавался, на стол НВ обычно комментировал, обращаясь к одной из гостей: «СилОса я обычно не ем! СилОсом положено питаться лишь скотам бессловесным. Но Кириллушкин силОс и сам ем, и Вам, сударыня, рекомендую!» Такая похвала из уст Деда, который, действительно, овощей не ел, поверьте, была для меня куда важнее, чем хорошие оценки за выполненный большой проект.

Когда в доме TP появлялись гости из дальних мест, особенно с Кавказа, из Армении, то на столе появлялось очень хорошее вино. Пожалуй, лучший в своей жизни коньяк я пробовал на семидесятилетии НВ. Это был какой-то особенный, очень выдержанный грузинский коньяк, который преподнёс Деду тогдашний замдиректора ИМРа Ричард Ипполитович Габуния. Как правило, бывала на столе и водка, довольно часто это были мои настойки.

Когда я в первый раз предъявил свою чесночно-перечную настойку, по рецепту, вычитанному у Солоухина и, поэтому, называемую у нас дома солоухинкой, Дед заявил, что это

ни какая не солоухинка, а классическая еврейская корчемная «Пейсаховка»; под этим именем эта настойка и продолжает жить.

В своё время НВ попил немало, в последние годы врачи пить ему категорически не разрешали, поэтому в праздники к его прибору ставили специальный «фальшивый» стопарик, который выглядел как нормальная рюмка, но за счёт прозрачного толстого дна имел крохотную вместимость, – кубиков 10 – 15. Не отказывала себе от одной рюмочки и ЕА.

Не хочу, чтобы у читателя создалось впечатление благостности от моих пребываний в тимофеевском доме. Зачастую у НВ возникали внезапные вспышки необузданной ярости, когда он впадал в неистовство и дико кричал. Очень громко орал он при чтении первых вариантов статей сотрудников, которые приносили ему. Иногда, уже входя из нашей квартиры на лестницу, можно было услышать, как Дед орал на несчастного аспиранта. Выражения типа «Бред собачий!» можно было относить к изысканно-вежливым. Впрочем, под горячую руку попадали не только аспиранты, но и маститые московские биологи, которые сотрудничали с Дедом. В такие минуты я, конечно, в гости не ходил.

Вспышку ярости могла спровоцировать и какая-то казалось бы нейтральная реплика в ходе нейтрального разговора. Почему-то особенно часто под дедов гнев попадал Коля Горбушин, постоянно ухитрявшийся влезть невпопад. Со мной это случилось только один раз, когда я заявил что-то неодобрительное об услышанном краем уха исследовании Эфраимсона, выяснившем, что некоторые психические заболевания «менделируют» – т.е. передаются по наследству по самым простым законам Менделя. В тот момент самого Эфраимсона я ещё не знал, я его увидел в Обнинске позже, не знал и о том уважении, которое Дед питал к этому человеку. Досталось мне хорошо...

Самый неожиданный «взрыв на чистом месте» произошёл во время празднования Нового года ещё тогда, когда ЕА была жива. Народу было не слишком много, из москвичей, как всегда на Новый год, Пасху и Николу Зимнего, была Наташа Реформатская, – дочь ближайших друзей ТР, почти что член семьи. С её отцом НВ учился в московской гимназии, а мать была соученицей и близкой подругой ЕА; именно к Реформатским приехали в Москву ТР из многолетней ссылки в начале хрущёвской оттепели, когда впервые выехали в свет. Новогоднее застолье началось задолго до двенадцати часов, хорошо ели и пили, было, как всегда, шумно и весело. Подошла полночь, начали готовить бокалы под шампанское и включили телевизор, для того чтобы чокнуться под бой курантов. Встали, чокнулись, поздравили друг друга с Новым годом и все были готовы сесть и продолжить. По телевизору передавали гимн, на который никто не обращал внимания; Дед остался стоять, стояли и все остальные, кроме Маши, которая демонстративно села. Судя по всему, уже тогда среди интеллигенции в Москве начало входить в моду достаточно показное диссидентство, о котором мы, провинциалы, понятия не имели. Тут-то и взорвался Дед: он кричал, что она «дура, соплячка, должна уважать гимн страны, в которой живёт». Реакция НВ была настолько неожиданна, что все казались придавленными. НВ бушевал минут пять, но Маша, имевшая, судя по всему, характер не менее крутой, осталась сидеть. Кое-как ЕА сумела отвлечь Деда, громко заговорив на какую-то другую тему. При праздновании следующих Новых годов предусмотрительно выключили телевизор с последним ударом курантов...

Следует сказать, что эта вспышка гнева отражала очень интересную особенность характера Деда: он, как настоящий гражданин и европеец, отдавал дань внешним категориям государственности. Во время обычных вечерних разговоров никогда не было ни антиправительственных, ни антисоветских тем, что, впрочем, не удивительно для людей, прошедших лагеря и ссылку. Не поднимали эти темы и гости, чтобы не провоцировать Деда. И на работе Дед был лоялен к «власть предержащим» и своего мнения о них никогда не высказывал. Впрочем, это Деду не помогло, доносы в Горком на него писали постоянно.

The summing up

Подводя итоги, могу сказать, что первые годы жизни в Обнинске, пока дети росли, город бы молод и чист, первые годы работы в ИМРе, пока институт был молод и все, казалось, работали весело и вместе, и замечательные вечера в открытой квартире Тимофеевых-Рессовских под эгидой (так как это понимали греки) Елены Александровны были, вероятно, самыми лучшими днями и годами моей жизни.

Последние годы Деда

В апреле 1973 года, на Пасху, сразу после праздничного завтрака, на котором против обыкновения было немного народу, умерла Елена Александровна. Перед этим ничто не говорило о возможности внезапной кончины. Она побаливала, жаловалась на сердце, но заподозрить в тот момент столь скорую и трагическую развязку никто не мог.

От кого-то я услышал, что такую смерть в Святой День Господь посылает только праведникам.

ЕА была одной из самых замечательных женщин, которую мне приходилось встречать. Прожив очень нелёгкую жизнь, потеряв любимого старшего сына, думать о котором она не переставала до последнего дня, она олицетворяла для меня понятие «человеческого достоинства». Посещая сотни раз дом ТР, я никогда не видел её в дезабиле, небрежно одетой, не причёсанной, она всегда «держала спину».

Её деликатность доходила до того, что после встречи с каким-нибудь густопсовым хамом, в ситуации, когда у натурального «русскоязычного» человека ни одного приличного слова изо рта не вырвалось бы, максимум, что она могла сказать в его осуждение, были слова: «Это совершенно невозможный господин!» Вообще, её приглашение – «Господа! Прошу к столу!» – в те годы, когда кругом жили одни товарищи, звучало и архаично, и уникально прелестно. Только она могла усмирять внезапные, не спровоцированные вспышки гнева НВ.

Начиная с работ по изменчивости популяций божьих коровок в середине 20-х годов, сделанных в Германии и заложивших основы популяционной генетики, ЕА была абсолютно равноправным сотрудником НВ. После того, как НВ потерял в Карлаге центральное зрение, ЕА стала единственными «глазами» и «пером» НВ. В одном из писем из Миасово своей гимназической подруге Надежде Васильевне Реформатской, дружбу с которой ЕА пронесла через всю жизнь, ЕА жаловалась, что после четырёх часов чтения вслух, она уже физически не может говорить. Все работы, выполненные НВ и Сунгуле, и в Миасово, и большая часть обнинских работ написаны рукой ЕА.

Смерть ЕА потрясла НВ, который не представлял себе жизни без неё и был уверен, что умрёт ранее.

Последние годы, которые НВ пришлось прожить вдовцом, а большая часть учеников и сотрудников уехала из Обнинска, подробно описал в своих воспоминаниях Александр Ярилин (ссылку см. выше).

Однако в жизни НВ наступил момент, когда и АЯ, бывший последние годы самым близким к НВ, вынужден был покинуть город. Фактически рядом с Дедом остались два человека: Николай Григорьевич Горбушин (НГ) и я, оба немолодые, «далеко за тридцать», отцы семейств.

Если я правильно понимаю гордую натуру НВ, он не мог допустить, чтобы не слишком близкие к нему люди и, особенно, женщины, могли видеть его слабым и больным, поэтому «допускал» к себе только тех мужиков, кого он знал. Такими людьми в то время оказались мы с Колей.

Перед тем как продолжить воспоминания, позволю себе большое отступление, рассчитанное только на потомков, которые не жили в те времена и не знают реалий советской жизни 60-80-х годов.

У молодых читателей, представляющих себе жизнь НВ ТР только по с мемуарной литературой о нём, может сложиться впечатление о том, что явление, получившее название «Охота на Зубра» было уникальным. Да, безусловно, сама личность НВ была уникальной, а гонения на неё – аморальным, но процесс-то охоты, был, что называется, массовым, объектов охоты было в тысячи раз больше.

По крайней мере, три десятка лет страна находилась во мраке самого страшного, – сталинского, – режима, не только уничтожившего десятки миллионов людей, но и искалечившего страхом души оставшихся в живых сотен миллионов. После очень короткой отдушины в общественном сознании, связанной с победой над гитлеровской Германией в мае 1945 года, уже к 47 году над страной вновь навис мрак «ленинградского» дела, дел еврейского антифашистского комитета, борьбы с космополитизмом, дела «врачей-отравителей».

Доклад Н.С. Хрущёва на двадцатом съезде КПСС о культе личности Сталина, прозвучавший в 1956 году, казалось бы вырвал страну из этого ужаса. Это было время, позже названное «хрущёвской оттепелью». Появились очень робкие ростки свободного общественного сознания.

Время оттепели совпало с пониманием того, что само дальнейшее существование страны в условиях холодной войны может быть обеспечено не столько числом дивизий, стоящих «под ружьём», но, прежде всего, овладением неким критическим объёмом научных знаний, необходимых для создания атомно-водородного оружия и средств его доставки. Приходилось срочно наращивать научный потенциал страны. Для этого руководство страны начало активно создавать научно-исследовательские организации самого различного назначения, но, в основном, такие которые относились к военно-промышленному комплексу. Возникали и закрытые, и полу-открытые городки, в которых концентрировалась работа по близким направлениям: Дубна, Арзамас, Снежинск, Обнинск, Троицк, Киржач, Электросталь, Академгородок-на-Оби, и т.п. Новые институты требовали кадров, выпускники ВУЗов шли нарасхват. В 1957 году, когда я кончал институт, бытовала шутка: «Мы живём в то время, когда в науку бурно пошёл середняк» (Для молодых читателей, – это парафраз сталинского выражения 1930 года : «Мы живём в то время, когда в колхозы бурно пошёл середняк»).

Научная молодёжь, от которой требовали быстрой и качественной отдачи, повела себя совсем не так, как желало бы партийное руководство страны. Нет, необходимая отдача безусловно была, – страна создала «ракетно-ядерный щит», и стратегическую триаду; в космосе мы появились первыми. Однако, при этом молодёжь научилась думать по-новому. Появилась острая необходимость духовного раскрепощения, отрицания официоза во всём: появились «бардовские» песни Окуджавы, Галича, Висбора, самиздат Солженицина. Эти произведения расходились по стране сотнями и тысячами экземпляров магнитофонных лент и машинописных копий.

Эта тенденция чувствовалась тем острее, чем выше была концентрация думающих и чувствующих людей, т.е. а научных городках. В Академгородке под Новосибирском молодые научные сотрудники концентрировались в кафе «Под интегралом», в Обнинске – в самодеятельном городском Доме Учёных, созданном, в основном, ребятами из Теоретического Физико-Энергетического института. Вечера, проводимые членами совета ДУ, пользовались невероятной популярностью, абонементы на сезон были самым дефицитным объектом, отнюдь не всем докторам науке удавалось получить билетик. Помню, как во время демонстрации запретного для открытого проката фильма Фелини «Восемь с половиной» в зале Дома Культуры напором безбилетников были выломаны двери.

Идеологи ЦК КПСС явно проглядели развитие этой тенденции в её начале и опомнились относительно поздно, зато реакция оказалась быстрой и неадекватно жестокой. «Хрущёвская оттепель» завершилась новыми «морозами». В Москве состоялась разнос выставки МОСХа Хрущёвым, «бульдозерная» выставка, процессы Синявского и Даниэля, диссидентов бросали в психушки, КГБ вылавливало самиздат. Было закрыто кафе «Под интегралом» в Академгородке.

Наводить порядок в Обнинске Калужский обком направил Ивана Васильевича Новикова, одностороннего инвалида войны, бывшего сельского педагога, работавшего до этого времени первым секретарём райкома в глухом сельском Спас-Деменском районе. Следует признать, что ИВН справился с порученной задачей: подойдя к поручению системно, он «свернул хребет» интеллектуальному Обнинску.

По городу прошли политические процессы. Во-первых, был реформирован Дом Учёных. В Совете были оставлены только партийно-проверенные личности, и, через некоторое время, Дом Учёных стал Домом Городской Номенклатуры, билеты в который распределяли в горком; в качестве курьёза следует заметить, что членами нового ДУ стали даже директора пригородных совхозов.

В Физико-Энергетическом Институте был разгромлен Теоретический отдел, где работали ребята только что выпустившие в свет книжку научного фольклора «Физики шутят». В городе грустно шутили «Физики дошутились...». Ведущим специалистам отдела было запрещено заниматься педагогической работой в Обнинском филиале МИФИ, поскольку они могли оказать «разлагающее влияние на подрастающее поколение»; а то, что это поколение потеряет живой контакт с реальной научной деятельностью, чем был так силён ОФ МИФИ, горком не тревожило. В филиале Физико-Химического НИИ им. Карпова прошёл процесс Васильева, вся вина которого состояла в том, что он отказался идти на собрание, на котором коллектив филиала должен был выразить «единодушное одобрение» вводу советских войск в Чехословакию.

В нашем институте, – ИМРе – началось планомерное наступление на самый передовой отдел, возглавляемый НВ ТР. Была закрыта группа биогеоценологии, как не соответствующая профилю института. В калужскую психушку был отправлен заведующий лабораторией радиационной биохимии Жорес Александрович Медведев написавший самиздатную книгу о культуре личности в биологии, а позже эмигрировавший в Англию, самому НВ инкриминировали «разлагающее влияние на научную молодёжь» во время проводимых им домашних собраний-семинаров, посвящённых мировой культуре (подробнее смотри в очерке ААЯ). Результатом было, что НВ «ушли» на пенсию.

Разгром отдела радиобиологии и генетики, руководимого НВ ТР, привёл к тому, что ведущие специалисты перебрались в другие города, в основном в Москву, где их научная квалификация, заработанная в Обнинске, под рукой НВ, высоко ценилась.

Для Института медицинской радиологии эти потери привели к тому, что Экспериментальный сектор Института, который превращался в радиобиологический и генетический центр мирового научного уровня, не стал им, а погрузился в глубокий застой.

Попал «под колесо истории» и я. Я участвовал в создании городского Дома Учёных и был членом Совета до появления в Обнинске ИВН. Непосредственной «вины» за мной найдено не было, но я был «заморожен» в карьерном отношении: ни защитить диссертацию в ИМРе, ни продвигаться по службе в НПО «Технология», куда я перешёл в 70 году, горком мне не давал. Кончилось это положение только с моим уходом с государственной службы в 90 году.

Горкомом, который возглавлял ИВН, были проведены и ряд «анти-общегородских» актов. В городе были «привязаны» несколько крупных промышленных предприятий: приборный завод «Сигнал», два ползуаводских филиала Минавиапрома, позже объединённые в одно предприятие, резко увеличена численность строительного управления, притом, что активное

строительство города уже сворачивалось, а обнинские строители работали по всему Союзу. Это привело к значительному увеличению числа жителей города, «разбавлению интеллигенции передовым рабочим классом – гегемоном». Именно это мероприятие сильнее всего сказалось на будущей судьбе города, фактически ставшим «спальным» пригородом. Резко сократилось жилищное строительство в Обнинске, в институты перестало поступать научная молодёжь, средний возраст научных сотрудников достаточно быстро приближался к пенсионному.

Не менее разрушительными для города были и мероприятия по осуществлению «шефской помощи сельскому хозяйству». Руководство страны сделала попытку реанимировать умирающее от бесхозяйственности сельское хозяйство руками горожан. Безусловно, это была попытка с негодными средствами, – очевидно, что продуктивно на земле может работать только её хозяин. Труд горожан, которых насильно гнали «на картошку», «на сено» был абсолютно непродуктивен, более того, бесплатная, «рабская» рабочая сила окончательно развратила работающих в деревне и на много ускорила позорный развал российского агрокомплекса, который мы ощущаем до сих пор. Не смотря на то, что шефство было общесоюзным, в Обнинске оно приобрело совершенно уродливые формы. ИВН, будучи человеком исполнительным, проявил невероятное рвение по «оказанию помощи сельскому хозяйству», необычное даже по масштабам области. Обнинские горожане «оказывали помощь» не окрестным совхозам, в которых также не хватало рабочих рук, а одному из самых дальних районов области – Спас-Деменскому, из которого ИВН был прислан к нам. Чтобы попасть к своим подшефным приходилось ехать на автобусах через всю область, около двухсот километров с северо-востока на юго-запад. Нашему предприятию, численность которого составляла ~3 500 человек были определены «подшефными» шесть (!) совхозов. В каждом совхозе необходимо было круглогодично держать по бригаде механизаторов из 6 – 10 человек и с апреля по середину октября – бригады полевых рабочих по 20 – 40 человек. Они ездили сменами по 2 недели.

Самым отвратительным компонентом этих поездок было даже не то, что после почти десятичасового непривычного для горожан трудового дня приходилось возвращаться в холодный барак, в котором не всегда удавалось просушить одежду, даже не повальная пьянка большей части присланных работяг, а бесцельность этого труда. Известно, что в фашистской Германии самым тяжёлым наказанием был бесцельный труд – переноска камней с одного места на другое, а потом обратно. Поскольку я бывал по 2 – 4 недели каждый год в одних совхозах несколько лет подряд, то видел, что осенью мы выбирали картошку и складывали её в бурты, – кучи длиной по 30 – 50 метров и высотой до одного метра, укрытые соломой и слоем земли, а весной вскрывали эти сгнившие за зиму бурты с тем, чтобы набрать клубней на семена и засадить те же поля, с которых предыдущей осенью эту картошку убирали. Никого из руководства всех уровней такая ситуация не волновала: совхозное начальство рапортовало об уборке урожая и посадке новых площадей, наше начальство – о выполнении плана шефской помощи, область – о выполнении плана по Продовольственной программе. Все ставили себе свои «галочки», только продовольствия они не давали никакого...

Но и это ещё не всё. Для того, чтобы оставшимся в городе людям жизнь не казалась раем, ИВН имел в запасе ещё один козырь, – благоустройство города силами коллективов предприятий. Ежедневно, на протяжении многих лет направлялись бригады землекопов и подсобников, скомплектованные из «научников» (презрительная кличка в устах строителей) на реконструкцию площадей, бульваров, строительство фонтана. ИВН одно время даже имел кличку «Иван-фонтанный».

Вот на каком фоне проходили последние годы жизни НВ.

Увольнение НВ из ИМП произошло уже после смерти ЕА, когда он жил в Обнинске одиноко. Сын Андрей, живший в Свердловске, регулярно приезжал в Обнинск, предлагая отцу

переехать к нему. Но Дед не любил свою невестку, жену Андрея, и уезжать из Обнинска от могилы ЕА категорически отказывался.

Операция по увольнению НВ была тщательно спланирована горкомом. Сначала нашему директору академику АМН Г.А. Зедгенидзе было предложено самому уволить НВ под каким-либо предлогом. Очень гордый и самолюбивый ГА не поддавался давлению ни горкома, ни обкома. Этот отказ привёл к тому, что первый секретарь Калужского обкома КПСС Кандрёнков через ЦК заставил Академию Меднаук снять строптивного директора и отправить его на пенсию. На место Зедгенидзе был прислан из Питера некто проф. Жербин, бесцветно проработавший на этом посту лет шесть-семь и своего мнения, отличного от мнения партструктур, не имевшего.

Сначала, под предлогом концентрирования научных усилий на ключевых направлениях деятельности ИМР, была закрыта лаборатория радиэкологии. Знала бы наше партруководство какое значение приобретёт эта дисциплина после Чернобыля! А ведь за те годы, пока она работала, Тюрюкановым и его группой были составлены карты распределения элементов и их изотопов в почвах Калужской и Брянской областей, не имеющих сейчас цены, как эталон «до-Чернобыля».

Кроме того, в генетических исследованиях Деду предложено было сделать упор на медицинскую генетику. Поскольку НВ медицинского образования не имел, к врачам – «клистирникам» – относился с некоторым пренебрежением из-за из биологической безграмотности, что, впрочем, не мешало ему принимать «своих» лечащих врачей, в частности Маргариту Николаевну Лыскову, фактически это лишало «человеческих генетиков» настоящего профессионального руководства.

Само увольнение Деда, согласно распространённой в нашем кругу легенде («За что купил, за то и продаю»), проходило так. Деда вызвали в горком к какому-то исполнителю в идеологическом отделе и предложили на аспирантском семинаре вместо всяких неопределённых и безыдейных разговоров проработать работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Вероятно, это переполнило чашу терпения НВ и он, обычно корректный с представителями власти («Нет власти, аще от Бога») взорвался и предложил им самим вести такие семинары: «Вам за это деньги платят, а я занимаюсь тем, чем другие не могут!». Этот разговор оказался достаточным, чтобы новый директор и послушный Учёный Совет отправили крупнейшего биолога современности на пенсию, даже не предложив ему работы в качестве консультанта.

Факт ухода НВ с поста заведующего отделом радиобиологии и генетики послужил сигналом к бегству ведущих биологов ИМРа в Москву, где учеников НВ брали с распростёртыми объятиями. Я лишился практически всех друзей, несмотря на то, что в Технологии у меня было довольно много знакомых, близких по духу людей не было ни одного, все последующие годы в Обнинске я жил в своеобразном изоляте. Именно поэтому в середине 80-х годов я занялся ТРИЗ (см. JTRZ).

Через некоторое время акад. Газенко предложил Деду работу консультанта в Институте медико-биологических проблем и космической медицины, который НВ называл Косметическим. Вероятнее всего, непосредственно для решения сегодняшних задач, стоящих перед этим институтом, Дед был не нужен, но биологическая основа текущих проблем могла приобрести в лице Деда серьёзное обоснование. Для Деда это приглашение стало серьёзной поддержкой как в моральном, так и материальном отношениях. Подробностей этой работы я не знаю, пишу только о том, как это выглядело со стороны.

Первые несколько месяцев (полгода, год?) НВ ездил в Москву раз в неделю, – уезжал во вторник утром, не самой первой электричкой, ночевал две ночи у Реформатских, а во второй половине дня в четверг возвращался домой. Если дойти до электрички и от электрички в Обнинске даже для полуслепого человека было очень просто, наш дом находился в трёх

минутах хода от платформы, а движение машин по Красным Зорям в те годы было совсем не интенсивным, то проезд в Москве от Киевского вокзала до работы превращался в проблему: Дед выходил на обочину и ждал, пока возле него не остановится такси (многие годы он не признавал никакого транспорта, кроме таксишек). Потом уже его возили с работы до ночлега и обратно и до вокзала кто-нибудь из космических сотрудников. Долго это продолжаться не могло и дирекция Института пошла на то, чтобы Дед оставался в Обнинске, а те, кому требовалась консультация приезжали из Москвы в Обнинск. Приезжали и те, кто сотрудничал с Дедом; помню группу во главе с Шальновым из Минздравовской Биофизики, Алексея Яблокова, тогда ещё зоолога по морским млекопитающим.

Во времена перестройки, Яблоков стал активным деятелем-демократом, был министром охраны среды в правительстве Гайдара, получил звание академика РАН (увы, – за чин!..), позже, в путинские времена впал в оппозицию режиму и на момент написания этого материала влился со своей партией зелёных в Яблоко Явлинского.

Последним из ближайшего круга оставался в Обнинске ААЯ. В это время он полностью посвятил себя общению и уходу за Дедом, что, впрочем, не было слишком обременительным. Необходимо было позаботиться, чтобы в холодильнике были сырковая масса и сливки, и в доме было бы черносмородиновое варенье и немного белого хлеба. Уже настали времена всеобъемлющего дефицита и талонов, но в соседнем молочном магазине для Деда всегда оставляли его порцию сырковой массы. Что-то привозили из Москвы. Откуда были люди практически каждый уик-энд. То же было и в почтовом отделении, где Саша выписывал для Деда три десятка лимитированных изданий. Уборка квартиры и стирка белья ещё со времён ЕА лежала на приходящей домработнице Пানে, жившей в нашем же доме. Но основная нагрузка по обслуживанию Деда заключалась в необходимости чтения ему свежих научных журналов.

После отъезда Саши из Обнинска, такое обслуживание перешло на нас с Колей Горбушиным (НГ). Каждый из нас приезжал к Деду через день кроме суббот и воскресений: пополняли запасы молочного, забирали с почты журналы, а после того, как все дела были сделаны, садились с Дедом за журналы.

Существовал жёсткий алгоритм «обработки» текущей периодики. На письменном столе лежали три стопки журналов от центра к краю стола: вновь пришедшие, просмотренные и обработанные. Сначала из свежего журнала необходимо было прочесть оглавление и против того названия, которое заинтересовало Деда, поставить галочку. Просмотренный журнал попадал в среднюю стопку. Когда этот этап заканчивался, начиналась читка отмеченных («открыженных») статей, а журнал после этого попадал в левую стопку.

Нельзя сказать, что для чтеца читка журналов была очень простым процессом, – от него требовалось абсолютно правильное произношение, а мы все, – увы! – излишней грамотностью не отличались. Когда Дед слышал неправильное произношение, он ругательски ругал чтеца. У меня были какие-то привычные ошибки, которые я обычно не слышал, – типа «обеспечение» вместо «обеспечения», за что мне и попадало. К счастью, таких привычных ошибок у меня было не много, кроме того, мне, как химику, прощалось косноязычие при чтении латинских названий в ботанических и зоологических журналах.

Иногда, поздним вечером, после журналов, или вместо них, читали друг другу стихи. Наши поэтические вкусы во многом совпадали: Пушкин (у меня «Маленькие трагедии»), Тютчев, Блок, Гумилёв. С «подачи» Деда к своим любимым поэтам я добавил ещё и Державина. Это были замечательные вечера...

В течение последних двух лет Дед дважды подолгу лежал в клинике ИМР. В последний раз ему удалили простату и вывели мочеточник наружу – толстой резиновой трубкой диаметром миллиметров 5-6 в полулитровую банку, стоящую под кроватью. Ему представляли

отдельную палату в терапии. Все посетители бывали там, мы с Колей регулярно бывали там, правда, не так часто, как дома, Саша писал, что в числе посетителей был и отец Александр Мень, отпустивший Деду грехи, но я при этом не присутствовал. Из второй госпитализации он домой не вернулся.

Резкое ухудшение состояние переросло в полуторасуточную агонию, мы с Колей менялись у постели Деда через 12 часов. Вечером часов в 8 я заступил на вторую ночь, но около полуночи в палате появился Коля и сказал, что заснуть не может и отпускает меня домой. В четыре часа утра он позвонил и сказал, что всё кончилось. Я прибежал через пятнадцать минут.

Похороны НВ вылились в парадоксальное, но вместе с тем и типичное для того времени «действие».

Прежде всего, небольшой, но тоже типичный для тогдашнего ИМРа эпизод.

Сразу после моего прихода, пока тело было ещё совсем тёплым, в палату вбежал какой-то доктор и схватил лежащий на подоконнике импортный мочесборник с тонкими гибкими полимерными трубками и полимерной же емкостью, который прислали Деду из-за границы, – с таким мочесборником, спрятав его под брюками, оперированный пациент может нормально ходить. Не пропадать же добру, тем более что этот сборник можно было продать, и не за малые деньги.

Имровское начальство, а директором тогда был уже наш бывший сосед Анатолий Цыб, секретарём парткома Виктор Соколов, с которым я был ранее в добрых отношениях, вместе выпускали стенгазету, играли в КВН, оказалось перед почти неразрешимым противоречием. С одной стороны, НВ ТР был крупнейшим биологом современности и пользовался громадным авторитетом, что требовало достойно проводить его в последний путь, а с другой, – он был «почти диссидентом» и подозрительной личностью, даже память о которой надо подавить с максимально возможной скоростью. Поскольку разрешать противоречия люди, как правило, не умеют, начальство приняло компромиссное решение, – для панихиды выделило актовъй зал клинического сектора, но само на панихиду не явилось.

Гроб с телом Николая Владимировича установили в на сцене актового зала, мы с Ритой записали на плёнку с своих пластинок траурные классические мелодии, Марийка напечатала крупный портрет Деда, Народу набрался полный зал, сидели молча, никто не мог набраться смелости начать траурную церемонию. К середине дня приехало много москвичей, и вдруг в зале появился в полной генеральской форме со звездой Героя Соцтруда академик Газенко, бывший директором Ин-та космической медицины, в котором Дед формально числился. Факт приезда высокого московского начальства пересилил страх наших имровских деятелей, которые сразу же возникли в зале.

Не возникло никаких проблем с местом для захоронения НВ, – на одном из самых престижных мест старого кладбища уже была могила Елены Александровны, а рядом с ней выкопали могилу для Николая Владимировича. Я был в числе тех, кто нёс на руках гроб по крутой дороге от машины к могиле. Поскольку сейчас (2006 год) в городе осталось не так много народу, знавших живых Деда и Бабу Лёлю, каждый раз бывая на кладбище, мы приходим и на эти могилы, на которых растёт посаженный нами барвинок...

Были и другие явления, типичные для смерти великого человека: во время поминок, когда квартира была проходным двором, растаскивали книги, стоящие на полках, в ближайшие месяцы появилось большое число «ближайших учеников» НВ, «близость» которых заключалась в том, что они ездили на работу в одном автобусе с НВ,

В начале 90-х годов имя НВ оказалось в центре всероссийского внимания:

крайне-патриотические, вернее черносотенные журналы «Москва» и «Современник» начали шумную клеветническую компанию по обвинению Деда в сотрудничестве с фашистами в годы Второй мировой войны и проведении им опытов на живых людях (узниках

концлагерей?). Самое противное в этом деле было то, что под обвинениями стояла подпись Капитолины Царапкиной, вдовы Льва Царапкина. Родители Льва работали в Германии с НВ. Лев там был ещё пацаном и не мог быть в курсе работ Деда, тем более ничего не могла знать об этом Капитолина, познакомившаяся со Львом и вышедшая за него замуж уже в Сянгуге, а интеллектуальный уровень самой Капитолины, известный нам с момента приезда Царапкиных в Обнинск, не позволял даже думать о её авторстве. Однако, как говорится, «Не было бы счастья, да несчастье помогло»: в самых читаемых газетах появились авторитетнейшие материалы, подтверждающие доброе имя Деда, в том числе и из немецких источников, через год – два вышли книги избранных работ Деда и воспоминания о нём, о которых я писал в начале этой работы.

Пожалуй, на этом я поставлю точку в своих воспоминаниях об Елене Александровне и Николае Владимировиче Тимофеевых-Ресовских

Заключение

Этот материал писался много лет: по разным поводам я начинал его, отставлял в сторону и ненадолго возвращался к нему. Однако, в моменты пауз в подкорке сидела маленькая «заноза», напоминая о том, что я не завершил одного важного дела, не закончил воспоминаний о самом значительном человеке, встреченном в моей жизни.

Не знаю, кому предназначен этот материал, прочтёт ли и оценит его кто-нибудь, но, тем ни менее, эту работу я завершил.

*Обнинск
12 июля 2006 года
Склобовский К.А.*